

СКАЖИТЕ, ДОКТОР

Ведущий рубрики – доктор Шагвич

Без названия...

Меня разрывает на части. Мой разум, моё сердце, мою веру. Я не могу понять одно и принять другое. Мне не доступны для понимания цели и не приемлемы средства. Я далёк во времени и пространстве от происходящего, но отчего-то душа саднит не переставая.

Лирическое отступление.

Летом 1990 года я с пятилетней дочерью поехали вдвоём отдыхать в Пицунду – одно из живописнейших мест на черноморском побережье, где сосновый лес спускается практически к кромке воды, смешивая хвойный запах с солёно-морским – вкус, которым можно наслаждаться бесконечно. Райское место, созданное Б-гом для всего живого.

Пицунда тогда – город небольшой, несколько современных высоток, парковый центр и рынок. Главная достопримечательность – бывшая дача Хрущёва – территория, огороженная трёхметровым забором с охраной на въезде и сторожевым катером со стороны моря. В те времена дача уже морально устарела, но всё ещё использовалась для отпуска не первых лиц государства.

А с другой стороны забора находилась бескрайняя территория с домами отдыха для иностранных гостей дружественных социалистических государств – три огромные современные многоэтажки со своими ресторанами, барами, концертными залами, спортивными сооружениями и магазинами, где продавалось всё, вплоть до индийских махровых полотенец и настоящего бразильского кофе.

Нам повезло: одна старинная приятельница моего тестя жила в Пицунде и работала на правительственной даче кастеляншей, за что ей и членам её семьи в качестве вознаграждения и компенсации полагался свободный вход на территорию пляжа для интуристов. Простым советским гражданам приходилось ходить к морю в обход за несколько километров до городского пляжа.

Мы жили у них, абхазская семья была гостеприимна и дружелюбна. В памяти они остались добрыми хорошими людьми, вот только хозяин к сожалению не разрешал ходить в шортах. Так однажды и сказал без тени улыбки: «Увижу, что ходишь пэрэд моей женой без штанов – зарэжу».

Они отдали нам пропуск на иностранный пляж, куда были вписаны сами и их сын, поэтому мне приходилось одевать дочь под мальчишку, а на входе, где стояли солдатики внутренних войск с рязанско-костромскими физиономиями, мы начинали болтать на «грузинском», чтобы соответствовать фамилиям на пропуске: «гамарджоба, хинкали, сациви, гмадлоба, важишвили» – выходило весьма правдоподобно.

На пляже мы купались, потом я покупал дочери мороженое и что-нибудь поесть, сажал её под кипарис в тень, где она вскоре засыпала, а сам весь день играл в настольный теннис.

Игрок я средненький, на уровне студенческой команды, не более, но интуристы-чайники играли ещё хуже. Партия – рубль, к вечеру у меня в кармане набиралось 15-20 деревянных.

Хватало на ужин с ребёнком в местном ресторане и на вход в концертный зал.

Зато, какой там готовили кофе по-восточному в турках на песке... М-м-м... А концерты классической музыки по вечерам!

Однажды ночью нас разбудила сирена. Даже не разбудила, а выдернула, выбросила из сна, одновременно придавив своим ужасом к кровати. Её тревожный звук заползал страхом под кожу, волосы на руках становились дыбом, сознание парализовывало. Все выбежали на улицу, забрав самое необходимое. Никто ничего не мог понять, и только наша осведомленная хозяйка сказала, что, наверное, началась война.

Абхазия захотела стать независимой от Грузии: соседи, жившие мирно и дружно много веков вместе, решили начать убивать друг друга. Уважение и сосуществование сменилось ненавистью и братоубийством.

Утром на рассвете я рванул в кассы Аэрофлота. «Билетов нет на все направления. На две недели вперёд», – табличка у закрытых касс, и толпы людей, безнадежно пытавшихся уехать.

Таксисты взымали до российского Адлера по цене авиабилета до Рио-де-Жанейро. Автобусная станция трещала по швам, автобусы брали штурмом.

И тогда я, схватив пропуск, помчался на территорию для иностранцев, где находилась своя отдельная касса Аэрофлота. Всё пространство было заполнено автобусами Икарусами, организованно вывозивших интуристов. Касса была на удивление открыта, но скучающая мадам за стеклом, приводя в порядок ногти, ответила хрестоматийно-скучающим голосом, что билетов нет и не будет.

Я помню, как сейчас, цену авиабилета Адлер-Запорожье: 21 рубль взрослый и 9 рублей детский. Я молча положил в паспорт последние пятьдесят рублей, наши билеты на обратный путь через неделю, купленные заранее, и сказал: «Сдачи не надо, билеты тоже ваши».

Кассирша молча взглянула на меня, взяла паспорт, деньги и билеты, и через пять минут у меня на руках были два новых билета на самолёт и прилагающиеся к ним два места до аэропорта в Икарусе для иностранцев.

«Автобус через час, поторопитесь», – она продолжила обрабатывать пилочкой ногти.

Мы выехали по расписанию. До аэропорта Адлера час езды, но надо ехать по горной дороге. Водитель предупредил: «На перевале абхазцы стреляют по автобусам и машинам с грузинскими номерами, как у меня, так что лучше закройте шторки и пригнитесь».

Когда мы услышали выстрелы, не по нам, где-то вдалеке, я из страха вскочил с сидения, выдернул дочь, уложил её в проходе между рядами и сам лёг сверху.

У меня не было ни мыслей, ни чувств, только переживание за ребёнка. Так мы доехали до границы с Российской Федерацией, где всё было странным образом тихо, безмятежно светило солнце, а в руках у живых и беззаботных детей таяло мороженое. Мне кажется, тогда у меня появились первые седые волосы.

Война – это ужасно, мерзко и несправедливо.

У правды, как и у лжи, есть много сторон, но решать, кто прав, а кто нет, насилием – неприемлемо. Да, я знаю, нельзя забывать историю, переписывать её в угоду чьим-то интересам, нельзя вычёркивать всё хорошее, что было, а плохое поднимать с самого дна и водружать на знамя, нельзя терять человеческий облик, нельзя прикрывать несправедливость благими намерениями, нельзя обманывать собственный народ.

Но самое страшное – нельзя убивать.

Жалко всех.

И не только детей с обеих сторон, но и стариков, заслуживших другую старость, мужчин и женщин, у которых могло ещё столько хорошего произойти в жизни. Жалко собак, брошенных хозяевами, умирающих от голода в разрушенных городах.

Война – самое жуткое, что изобрело человечество. Погибший на войне не доживёт, не долюбит, не родит, не совершит.

Уже НИКОГДА!

Почему мы не можем договориться? Сесть и договориться. Уступить, принять, пойти на компромисс. Без ненависти, эмоций и позёрства, ради собственных детей.

Матери мальчишки, ушедшего на фронт, всё равно, кому принадлежит город N. Ей хочется одного: чтобы сын остался жив. А на всё остальное – наплевать с её высокой несчастной материнской башни.

Я против тех, кто развязал войну. Я против тех, кто её спровоцировал, преследуя свои корыстные интересы. Я против «миролюбивых либералов», подкидывающих дрова в пламя войны, жертвуя чужими детьми. Я против кроважанных новостей о количестве убитых.

Я против войны до последнего чьего-то сына или дочери.

Я против растущих кладбищ в моём родном Запорожье, равно как и в Волгограде, где живёт моя тёща.

Я против войны, как бы её не называли, и во имя чего бы её не вели.

Я за то, чтобы договариваться. Лишь бы перестали гибнуть люди с обеих сторон.

Договориться на любых условиях, спокойно, взвешенно, взаимно уступая. Договориться можно всегда, нужно только хотеть договариваться и дать этот процесс в руки правильных, образованных, начитанных людей. Взять музыкантов, художников, врачей, учителей – пусть договорятся между собой. Любой мир лучше любой войны.

Сначала надо отойти от бездны, а потом уже её величество История разберётся, кто был прав, а кто виноват, и всё расставит по своим местам.

Я в это верю, я на это надеюсь.

Я против войны.

Просто Доктор